

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1Память7Гумилёв

Климчукова В.Н.

Московский государственный областной университет

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПАМЯТЬ» КАК ПЕРВООСНОВА ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГИ Н. ГУМИЛЁВА «ОГНЕННЫЙ СТОЛП»

Аннотация: Стихотворение «Память», согласно авторскому замыслу, открывает последний прижизненный сборник Н. Гумилёва «Огненный столп». Это, во-первых, сжатая по форме, но объёмная по содержанию автобиография поэта. Во-вторых, в этом произведении заложен глубокий философский смысл земного бытия, человеческой памяти, удивительным образом сопряжённой с предчувствиями грядущего. Стихотворение задаёт тон всей поэтической книге, настраивает читателя на восприятие последующих поэтических текстов.

Ключевые слова: память, душа, тело, композиция, пророчество, духовность.

V. Klimchukova

Moscow State Regional University

THE POEM “MEMORY” AS A BASIS OF THE POETIC N. GUMILYOV’S BOOK “PILLAR OF FIRE”

Abstract. The poem “Memory”, according to the author’s intention, opens the last lifetime collection of Gumilyov’s “Pillar of Fire”. Firstly, compressed in form, but extensive in volume, it reveals the poet’s autobiography. Secondly, this work has a deep philosophical meaning of earthly existence of human memory, wonderfully conjugated with premonitions of the future. The poem sets the tone for the whole book of poetry, adjusts to the subsequent perception of poetic texts.
Keywords: memory, soul, composition, prophecy, spirituality.

Последняя подготовленная самим Н.С. Гумилёвым книга лирики «Огненный столп» была единодушно признана самым совершенным его творением и вознесла поэта на высший уровень славы. Общим было мнение: стихи сборника «свидетельствуют о неуклонном совершенствовании его мастерства и столь же неуклонном внутреннем росте и показывают, какие возможности таились в

поэте, жизнь которого оборвалась так трагично и рано» [1]. «Огненный столп» исполнен философских раздумий о сущности и назначении искусства, феномене внутреннего мира человека, основанных на главном поиске – духовного пути к Богу.

Несмотря на утрату первоначального порядка стихов сборника, вступительным, согласно авторскому замыслу, стало стихотворение «Память». Оно предстаёт перед читателем, во-первых, как сжатая по форме, но объёмная по содержанию и смысловой наполненности автобиография поэта. Во-вторых, в этом произведении заложен глубокий философский смысл земного бытия, человеческой памяти, удивительным образом сопряжённой с предчувствиями грядущего.

Вяч. Вс. Иванов отметил в своей статье «Звёздная вспышка»: «Подобно современным нейропсихологам, установившим реальность одномоментных срезов жизни, которые существуют в памяти человека, Гумилёв обозревает такие срезы своей жизни, называя их “душами”, меняющимися при том, что единственным остаётся только тело (“Мы меняем души, не тела”» [2].

Большинство исследователей творчества Гумилёва соотносят данные строки с восточными религиями и оккультной мистикой, которым присуща идея «реинкарнации», но содержание первых строф покажется ясным, если обратиться к Святым Отцам православной церкви. Св. Амвросий Оптинский на вопрос, как понимать слова Писания «Будьте мудры, как змии» [Мф. 10: 16], ответил: «Змея, когда нужно ей переместить старую кожу на новую, проходит чрез очень тесное, узкое место, и таким образом ей удобно

бывает оставить свою прежнюю кожу. Так и человек, желая совлечь свою ветхость, должен идти узким путём исполнения евангельских заповедей. При всяком нападении змея старается оберегать свою голову. *Человек рождён более всего беречь свою веру.* Пока вера сохранена, можно ещё всё исправить» [3]. В книге архиепископа Фёдора (Поздневского) читаем: «Человеку <...> по меткому выражению Св. Отцов, нужно бывает сделать почти то же самое, что нужно бывает сделать змее, когда она желает стащить с себя свою старую шкуру. Обычно в этих случаях змея заползает в колючие сучья, которые, цепляясь за её шкуру, стаскивают её со змеи. Нечто подобное нужно сделать и человеку, если он желает стащить греховное своё тело, т. е. всю совокупность своих греховных плотско-духовных дел, и обновиться» [4].

Макарий Великий обращение к православной вере соотнёс со сменой человеком душ: «Душе, истинно во Христа верующей, должно из нынешнего порочного состояния перейти в состояние иное, доброе, и нынешнее уничиженное естество изменить в естество иное, божественное, и соделаться естеством новым, при содействующей силе Св. Духа; и тогда может она стать благопотребною для небесного царства. Достигнуть же сего возможно только нам, которые веруем, истинно любим Его и исполняем все святые заповеди его» [5].

Проникновение в движение и суть человеческой памяти рождает конкретную активную позицию лирического героя, проясняющего присущие себе пристрастия, ошибки, но и подъём к небывалым открытиям своей сущности.

Перед читателем предстаёт целая галерея «душ», которые делают человека тем, кто он есть, делают его личностью, а не бездушным телом. А история внутренней жизни героя оказывается динамической сменой одного «лика» другим.

Начинает Гумилёв с ранних воспоминаний – своего детства. Первая душа – это «колдовской ребёнок», некрасивый и худой, живущий в самом себе, уединённо от людей. Единственные его друзья – дерево да рыжая собака. Здесь много очень точных автобиографических деталей.

Гумилёв, действительно, рос болезненным, слабым ребёнком, совершая странные для окружающих поступки. По воспоминаниям очевидца, «живя в Берёзках», он стал вести себя совершенно непонятно: пропадал по суткам, потом оказывалось, что он вырыл себе пещеру на берегу реки и проводил там время в посте и раздумье. Он пробовал даже совершать чудеса!.. Разочаровавшись в одном, он тотчас же хватался за другое, занимался астрономией, для чего проводил ночи на крыше, делал какие-то таинственные вычисления и опыты, не посвящая никого в свои занятия» [6]. Можно было бы посчитать, что это – обыкновенные детские забавы, если бы не стремление самого поэта увидеть своё детство загадочным и странным, во многом определившим всю дальнейшую жизнь:

*Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребёнок,
Словом останавливавший дождь.*

*Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,*

*Память, Память, ты не същишь
знака,
Не уверишь мир, что то был я¹ [7].*

Настойчивость упоминания рыжей собаки, «которую буду помнить, если она издохнет» [II, с. 5], позволяет спроецировать строки «Памяти» на реальное детство поэта или, точнее, на то, чем ему это детство казалось. Зрелый поэт, оглядываясь на странного ребёнка, пытающегося совершить чудеса, оттеняет, однако, в его облике зарождающуюся творческую натуру.

В этом его убеждают особые знаки: стремление к уединению, превратившееся затем в самоуглубление поэта; особое отношение к слову как к заклинанию, наделение его (слова) особой мистической силой воздействия; наблюдательность, взрастившая поэтическую зоркость. Самые, казалось бы, несерьёзные поступки дают возможность обобщить священную для автора сущность творческого процесса.

Детство для поэта не стало лишь эпизодом из прошлого. Оно приобрело особую ценность для зрелого Гумилёва. Ребёнок на этом этапе жизни впервые сталкивается с миром, вступает с ним в определённые взаимоотношения, отличные от отношений между взрослым с тем же миром. Это объясняется иным, детским, можно сказать, мифологическим мироощущением. У ребёнка есть ощущение внутреннего родства с земным царством, благодаря чему он совершенно естественно одушевляет природу, её стихии, воспринимает их живыми существами, которых можно как-то умиловить, заговорить. Дет-

¹ Все последующие ссылки на тексты Н. Гумилёва даны на это издание с указанием в тексте статьи тома и страницы.

ское сознание отдельной личности как бы повторяет опыт «детского возраста» человечества, в древние времена тоже творившего миф о своих сложных «отношениях» с солнцем, землёй, луной и пр. Связь ребёнка с природными явлениями становится столь же мистической, колдовской, приобретает особую, таинственную наполненность. Именно в этих способностях маленького мальчика видит автор знаки художественного призвания.

Взрослея, человек утрачивает подобную связь с миром. Ощущение этой утраты окрашено у Гумилёва в печальные тона.

Вторая душа рождена странной мечтой о необычной судьбе (подчинённой «ветру с юга») и вместе с тем грёзой о зове искусства («звоны лир»). В строфе проявляется другая интонация, не лишённая иронии. Она вызвана воспоминанием о собственной самоуверенности, о нескромном желании малое поднять до великого, приписав себе дар пересоздателя сущего.

*Говорил, что жизнь – его подруга,
Коврик под его ногами – мир [II, с. 35]*

Так отражено юношеское стремление к поэтической славе, к званию мэтра. Этот «срез» жизни совершенно отличен от предыдущего и далее изображён с ещё большей иронией, а негативная оценка взрослого человека усилена:

*Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать Богом и царём.
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый
дом [II, с. 35].*

В подобных побуждениях прослеживаются черты юношеского

максимализма («коврик под его ногами – мир...», «он хотел стать Богом и царём»). Наличие таких устремлений Гумилёва подтверждают очевидцы. В письме З.Н. Гиппиус к В.Я. Брюсову от 8 января 1907 года рассказывается о том, что Гумилёв в их доме заявил о своём намерении «изменить мир», причём сопоставил свой будущий подвиг социального и религиозного реформаторства с реформаторскими «попытками» Христа и Будды, которые он дерзко называл «неудачными» [8].

Высшей жизненной ценностью тогда Гумилёв, действительно, считал не «созерцательность буддизма, не спиритуализм христианства» [9]. Юного поэта мучило дерзкое, нетерпеливое желание создать своё особое миропонимание, основанное на активном жизнеутверждающем начале, а также на уверенности в необходимости личного героического подвига во имя преобразования и мира, и человека. Тем не менее, как вытекает из последующих строф «Памяти», Гумилёв очень скоро отказался от идей реформации религии. Да и в самих строках о «вывеске» есть другой смысл.

От ребёнка в лирическом герое живёт иллюзорность представлений о жизни и о своём особом месте в ней. Но сконцентрированность на себе, на своём «я» вызывает жажду вечного движения, устремлённости к неведомому, непознанному. Юноша как будто бросает вызов, заявляя о себе как о настоящем первооткрывателе некоей недостижимой дали:

*Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый
дом [II, с. 35].*

Вводя образ «молчаливого дома», Гумилёв снова воплотил в нём несвойственное незрелому юнцу, внутренне выношенное понимание истинного творчества, несущего в себе некую тайну, которую в прошлом не постиг юный герой. Гумилёв писал в статье «Жизнь стиха»: «Древние уважали молчащего поэта, как уважают женщину, готовящуюся стать матерью» [IV, 160]. «Молчаливый дом» оказывается знаком совсем иного состояния личности по сравнению с тем, которое вызвало желание «стать Богом и царём». Подобно женщине, вынашивающей младенца, поэт тоже вынашивал замысел своего творчества в уединении, был абсолютно чужд громким фразам – самонадеянным «вывескам». Таинство рождения стихотворения подобно таинству рождения новой жизни, человека. Вот главный – «подтекстовый» – акцент этого отрывка.

Следующее состояние души раскрыто в её жажде экзотики и знакомства с новыми землями. Герой ощущает свою слитность с миром, чувствуя себя гражданином других стран и даже вселенной. Подобный облик лирического персонажа рождён значительным внутренним переломом. Прежде всего – преодолением самонадеянной уверенности в собственной врождённой (якобы не требующей развития) гениальности. Немаловажно и другое. Здесь по-новому озвучена тема родства с природой; только теперь не человек (как это было в детстве) создаёт миф о её силах. А она сама наделяет алчущего новых знаний яркими впечатлениями и переживаниями. Наконец, третий срез памяти позволяет конкретизировать представления о движении к неведомому, авторское «чувство пути».

Постоянный интерес Гумилёва к странам Африки побуждает его в 1907-1908 гг. совершить путешествие в Египет. Зимой 1909-1910 гг., а затем и осенью он едет в Абиссинию в составе экспедиции, организованной академиком В. Радловым, а в 1913 г. вновь направляется в Абиссинию по поручению Музея антропологии и этнографии для изучения и коллекционирования предметов быта африканских племён.

Никто не мог предсказать влияния этих поездок на последующее творчество Гумилёва. Его увлечение переросло в страсть, которая прежде всего выразилась в творчестве. В сборниках «Романтические цветы» и «Чужое небо» появляются первые «экзотические» стихи. В них отмечается стремление поэта к земной, вещной реальности. Но, с другой стороны, здесь проявилась нетерпеливая мечта поэта о необычайно ярком мире, которого он не видел в действительности. Вот это второе назначение путешествий глубоко осмыслено в стихотворении «Память», где прямо указывается на феномен далёких земель, неизвестных европейцу:

*Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны* [II, с. 36].

Гумилёву удаётся передать в восьми строках ощущение «весёлой свободы», остро пережитое её избранником. Более того, удивительное сродство героя с небом, морем, которые как бы живут для него, даже уступая человеку в возможностях:

*Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака [II, с. 36].*

Такое состояние души Гумилёв передал через локальные и сочные образы, определения, тем не менее, особой содержательной ёмкостью. Сколько жизни, чувства радости и праздника в нарисованной картине! Сам воздух опьяняет, как вино; воды «звонко поют», облака «завидуют» путешественнику, а «высокая палатка», резвые и сильные мулы позволяют почувствовать заворожённость экзотической обстановкой. И всё-таки главной в этой части стихотворения остаётся мысль об «избраннике свободы», поскольку в этом образе выражен общечеловеческий идеал вольной души, не знающей преград в своих влечениях к новому. А.И. Павловский предположил, что на страсть Гумилёва к неведомым пространствам и колориту повлияли полотна Поля Гогена. Французский художник, открыв для себя прекрасную землю Таити, ощутив её гармонию, смог осуществить своё призвание. Он стал живописцем, создавшим «новое искусство, глубоко индивидуальное и гениально простое, так что из него нельзя выкинуть ни одной части, не изменяя его сущности...» [10]. Такое совершенное сочетание глубоко субъективного, неповторимого и одновременно зримого, конкретного, естественного Гумилёв обрёл при восприятии Африки, её природы и в собственных переживаниях «избранника свободы, мореплавателя и стрелка». А углубил былые впечатления в стихотворении последнего сборника, подняв их до идеального выражения жизни-творчества.

Возникновение следующего лирического героя связано с событиями

войны. Поэтому понятна смена настроений. Однако с их гранью проступает внутренняя причина, по которой он –

*Променял весёлую свободу
На священный долгожданный бой
[II, 36].*

24 августа 1914 года Николай Гумилёв, не окончив университета, зачисляется добровольцем в гусарский полк и попадает на Западный фронт. В 1914-1915 гг. поэт дважды награждается Георгиевским крестом: в первый раз – за удачную конную разведку, во второй – за спасение пулемёта под артиллерийским огнём при отступлении.

*Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный
путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь [II, 36].*

Эти строки кроме указания на реальные события – награды Георгиевскими крестами – вбирают в себя и другой, куда более значительный смысл.

Война для Гумилёва стала не только переломом в его реальном положении, но и особым этапом в его творчестве, духовном бытии. Как вспоминал А.Я. Левинсон, Гумилёв принял войну «с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание...» [11]. «Готовность» Гумилёва к военной деятельности не ис-

ключила, однако, тягостных открытий фронтовых испытаний и утрат. О них он с большой силой убеждения написал в своих «Записках кавалериста». В поэтической летописи боевых будней эти впечатления получили широкое обобщение. Пришли новые темы, связанные с судьбой России, определились философские мотивы «Солнца духа», «Души и тела». Все они воплотились в сборнике «Колчан» (1916). Этот сборник стал своеобразным итогом большой духовной работы. Именно в нём Гумилёв выделил своеобразный рубеж своего внутреннего состояния:

*Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной... [I, 245].*

А в стихотворении «Восьмистишие» есть горькое признание, возникшее тоже не без влияния военных испытаний: «*Мы никогда не понимали / Того, что стоило понять*» [I, 247]. Нелёгкие переживания собственных и общих потрясений по-новому осмыслены в «Огненном столпе».

Философский подтекст той части «Памяти», где отражены показательные факты: герой «променял весёлую свободу на священный долгожданный бой», перенёс «муки голода и жажды», «бесконечный путь» по кровавым дорогам – заключён в кратком и содержательном двестишии:

*Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь [II, 36].*

Здесь речь, как уже отмечалось, не только о награждении поэта Георгиевскими крестами, а о духовном его прозрении. Сущность нового понимания священных истин: о назначении поэ-

та, характере подвижничества, вере в божественное предопределение мира, грядущего России – в том числе, предчувствия явления Христа, – динамично и выразительно донесена в последующих четырёх строфах.

В первой акцент поставлен на идеале художника-зодчего, способного предвидеть возрождение Отчей земли как нового центра христианского учения, победы высокой нравственности, духовности:

*Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах и на земле [II, 36].*

Далее эта мысль получает развитие вводом образа Нового Иерусалима – «на полях родной страны», иначе говоря, предсказанием появления небывалой святости в России по велению Всевышнего. Справедливо утверждение православного характера этих и подобных им признаний Гумилёва: «Выше всего в поэзии – сила духа. Вера в своё дело, в волевой напряжённости создания творчества, храбро-доблестного искания. В нём, как в русском православном воине и поэте, была и устремлённость сердца в будущее нашей Родины – России. Николай Семёнович знал, что нет торжества над ложью и злом вне героики доблестных усилий» [12]. Такие усилия раскрыты в стихотворении как предельно самоотверженное и внутренне напряжённое служение личности (поэта) Воле и Промыслу Господним:

*Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут,
ясны,*

*Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны* [II, 36].

Созидание храма – образное воплощение исканий истинной мудрости, которая совершенствует дух человеческий и народный. «Сердце будет пламенем палимо...» – состояние пронизанности жреческим огнём всего существа лирического героя, который в предчувствии, в предвидении чего-то. Пока ещё трудно объяснимого для людей, но предначертанного свыше, оправданного страданиями и заветами Христа.

Необходимо обратить внимание на перекличку, опирающуюся на священные тексты православия, между названием книги «Огненный столп» и мотивами, возникающими при воссоздании четвёртого этапа жизни. «Зодчий храма, восстающего во мгле», который «возревновал о славе Отчей как на небесах, и на земле» – почти парафраз молитвы «Отче наш». «Священный долгожданный бой», «сердце будет пламенем палимо», «стены Нового Иерусалима» – эти образы явно библейского происхождения.

Кульминацией гумилёвской концепции возрождения мира становится предпоследняя строфа, в которой появляется неведомый Путник. Лев и орёл рядом с ним раскрывают лирическому герою тайну «скрытого лица».

Лев и орёл – два из четырёх апокалипсических зверей, изображённых в Откровении Иоанна Богослова [Откр. 4: 6-8]: «И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно орлу летящему». В позднейшей традиции эти животные трактуются как символические изображения четырёх

евангелистов: Матфея (ангел), Марка (лев), Луки (вол), Иоанна (орёл).

Первое явление Христа показывает трагедию человеческой души, не подготовленной к встрече с Сыном Божиим. В облике Христа потому и подчёркнуты светозарность, огневидность, способные потрясти и пробудить сонную душу: «Глава Его и волосы белые, как белая волна, как свет; и очи Его – пламень огненный; И ноги Его подобные халколивану, как раскаленные в печи; и голос Его – как шум вод многих; Он держал в деснице своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его – как солнце, сияющее в силе своей. И когда я увидел Его, то пал к Его ногам, как мертвый» [Откр. 1: 14-17].

Итак, встреча с Путником в стихотворении Гумилёва апокалипсическая, «альфа и омега», «конец и начало». Ведь Апокалипсис – откровение не только о гибели, о судном дне, но прежде всего о преображении душ, которое не может совершиться иначе, чем через гибель. Заметим: из четырёх животных оставлены только два. Из всех четырёх только образам льва и орла присуще значение непреодолимой власти, огня, солнца, бессмертия и воскресения (согласно легенде, львёнок рождается мёртвым, и львица, облизывая, воскрешает его. Орлу же приписывали умение омолаживаться, взлетая к солнцу и окунаясь там в волшебный источник). Перешедшая из глубокой древности традиция композиционного совмещения полярных символов – орла и змеи – в средневековой культуре трактуется как борьба Христа с сатаной; по смежности же значений (как символы воскресшего Христа) соединяются орёл и лев.

Обращает внимание точное указание направления движения льва: «следом». Но чтобы увидеть идущего следом, надо смотреть не в лицо, а в спину, то есть тоже двигаться вослед.

Лирический герой не видит лица «Путника», но движется вслед за Ним. Путь Христа – это путь крестной жертвы, полного отречения от себя. Наверное, поэтому «четвёртая душа» – конечный этап исканий героя, после которого невозможны и не нужны другие.

Все эти «срезы» жизни имеют единое, их скрепляющее начало, поскольку вызваны авторскими воспоминаниями, их осмыслением.

Образ памяти, его значение у Гумилёва осмыслен неоднозначно. Прежде всего, память олицетворена как великанша, ведущая жизнь под уздцы. Персонифицируя этот образ, поэт наделяет её многоликостью. Таким образом, в стихотворении воплощаются разные типы этого феномена человеческого сознания. Во-вторых, это личная память конкретного человека, соединяющая личные воспоминания и жизнь. Во-вторых, память выступает не только как личная, но и общечеловеческая, позволяющая «вспомнить» смысл разных этапов жизни человечества, сопоставив с ним конкретные события прошлого героя. Иначе этот тип памяти можно назвать генетической, т. е. «врождённой», передающейся от поколения поколению. В-третьих, не менее важной выступает историко-культурная память, обращённая к бездонному кладезю мудрости – Библии, которая активизирует постижение героем не просто человеческого опыта, накапливаемого веками, но и постижение смысла, т. е. сокровенной сущ-

ности духовного бытия прежде всего, Божественной Истины о возрождении человечества, Пути к очищению душ, начертанному Заветами Христа.

Первое произведение «Огненного столпа» создано в такой подвижной и оригинальной форме, что оно органично сочетает в себе сложнейшие процессы: осмысление заблуждений и достижений конкретного лица, постижение духовного потенциала человечества (в том числе – силой творчества), проникновение в тайну божественных предначертаний, в неколебимое значение откровений Иисуса Христа. Причём по ходу развития стихотворения стремительно нарастают позитивные моменты авторской исповеди. Она завершается слиянием индивидуального опыта личности с запросами большого мира и вступлением на завещанный Самим Господом путь испытаний и возрождения слабых, слепых людских душ.

«Память» сразу разрушает все досужие легенды, роившиеся вокруг имени Гумилёва. Его лирический герой отнюдь не идеализирован и не противопоставлен противоречивому человечеству, он ступает на общую для всех дорогу духовного совершенствования и самоотречённого служения Истине. Поэт был чужд идеям реформации православного учения, принимал никогда не иссякавший свет и мудрость Заветов Христа. Гумилёв периода создания стихов «Огненного столпа» немало пересмотрел положения своего акмеистского манифеста. В нём автор предлагал «познание Бога», «прекрасную даму Теологию» не опускать «до степени литературы». Позже, в последние годы своей жизни, Гумилёв в статье «Читатель» выдвинул иной лозунг: «Руководство в перерождении челове-

ка в высший тип принадлежит религии и поэзии» [IV, 177-178]. На первое место в таком акте поставлена религия и в стихотворении «Память».

Необычное выражение в этом произведении христианского идеала связано с тем, что автор мастерски соединяет здесь образ Христа и с небесными светилами («садом ослепительных планет»), и с неким земным существом – Путником. Вспомним, однако, что сходное употребление примет Христа жизненным реалиям («ноги Его – как раскаленные в печи»; «голос Его – как шум вод многих») и явлениям Царства Всевышнего («держал в деснице своей семь звезд») есть в Откровении Иоанна Богослова. Традиция священных текстов поэтом не нарушена.

«Память» сообщает настрой сборнику «Огненный столп». Во многих стихотворениях раскрыто здесь соотношение чувств лирического субъекта с объективным состоянием мира. Причём сложность, даже противоречивость личных переживаний при столкновении с историческими событиями в других ситуациях так или иначе мотивированы диссонансом реальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Струве Г. О четырёх поэтах: Блок, Сологуб, Гумилёв, Мандельштам. Берлин, 1922. С. 122.
2. Гумилёв Н.С. Лирика / вст. ст. В.В. Иванова. Минск, 1999. С. 8.
3. Поучения старца Амвросия. М., 1966. С. 57.
4. Архиепископ Федор (Поздеевский). Смысл христианского подвига. М., 1995. С. 31.
5. Добротолюбие / сост. и предисл. Л.С. Кукушкина. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков, 2001. С. 130.
6. Гумилёв Н.С. Избранное / вст. ст. Н. Богомолова. М., 2000. С. 5.
7. Гумилёв Н.С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: «Терра»-«Terra», 1991. С. 35.
8. Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 76.
9. Там же.
10. Гумилёв Н.С. Стихотворения и поэмы / вст. ст. А.И. Павловского. Л., 1988. С. 42.
11. Лукницкая В.К. Гумилёв Н.С. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 132.
12. Плетнёв Р. Н.С. Гумилёв (1886-1921): с открытым забралом // Н.С. Гумилёв: pro et contra: Личность и творчество Н.С. Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 1995. С. 591.